

- ⁸ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.
- ⁹ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 15. Л. 50об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 143. Л. 4.
- ¹² АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 143. Л. 5об.
- ¹³ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 143. Л. 6об.
- ¹⁴ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 475. Л. 4.
- ¹⁵ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 475. Л. 63.
- ¹⁶ АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 475. Л. 4.
- ¹⁷ Черноморская здравница (Сочи). 2005. 22 июня.
- ¹⁸ Черноморская здравница (Сочи). 1994. 15 марта.
- ¹⁹ АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 215. Л. 34.
- ²⁰ Новости Сочи. 2006. 2 июля.
- ²¹ Там же.
- ²² АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 245. Л. 41.
- ²³ АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 285. Л. 16–16об.
- ²⁴ АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

А.А. Черкасов (Сочи)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТЕЙ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА УМПЫРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ЛЕСНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943 гг.)

Детальное представление сложного процесса ведения боевых действий невозможно без определения основных тактико-технических характеристик противоборствующих сторон. Здесь представляют интерес численные показатели вооружения, штатное расписание и степень подготовленности РККА и Вермахта.

Итак, в боях на Умпирском направлении (в горных районах Лесного Кавказа) принимали участие горнострелковые подразделения немецких и советских войск.

Вооруженные силы Германии. Вермахт: Первые операции немецких войск в районе Умпирского и Белореченского перевалов осуществлялись двумя егерскими дивизиями: 97-й и 101-й. В состав 97-й егерской дивизии входили два егерских полка (204-й и 207-й) и артиллерийский полк (81-й). В состав 101-й егерской дивизии входили 22-й и 229-й егерские полки и 85-й артиллерийский полк.

Структура и вооружение егерских дивизий были идентичными:

штаб дивизии, картографический пункт, оркестр.

2 пехотных полка, в каждом:

штаб, взвод связи, самокатный взвод.

3 батальона, в каждом:

3 роты [1] (12 ручных пулеметов, 3 легких 50-мм миномета в каждой роте);

1 рота (6 средних 81-мм минометов, 2 легких пехотных орудия);

1 рота (8 станковых пулеметов, саперный взвод).

1 моторизованная противотанковая рота [2]

(12 противотанковых орудий калибра 37-мм).

1 разведывательный батальон:

Штаб, взвод связи;

2 самокатных эскадрона (или 1 самокатный и 1 кавалерийский);

1 моторизованный взвод противотанковых орудий.

1 истребительно-противотанковый дивизион:

штаб, взвод связи;

2 противотанковые роты (всего 20 противотанковых орудий калибра 37-мм, 4 тяжелых противотанковых ружья).

1 артиллерийский полк:

штаб, взвод связи, метеорологический взвод, картографическое отделение;

2 легких артиллерийских дивизиона, каждый в составе 2 батарей горных орудий;

1 легкий артиллерийский дивизион в составе 3 батарей;

1 тяжелый артиллерийский дивизион в составе 2 моторизованных батарей.

1 саперный батальон:

3 саперные роты (из них одна самокатная);

1 легкий инженерный парк.

1 батальон связи:

1 моторизованная радиорота;

1 частично моторизованная телефонно-кабельная рота;

1 моторизованный легкий парк связи.

Полевой запасный батальон [3].

Тыловые службы и подразделения:

Служба снабжения:

штаб начальника снабжения дивизии:

3 автотранспортные колонны снабжения;
 3 гужевые колонны снабжения;
 3 легкие гужевые колонны снабжения;
 1 автотранспортная колонна подвоза горючего;
 1 моторизованная рота ремонтных мастерских;
 1 автотранспортная рота снабжения.

Административно-хозяйственная служба:

1 моторизованная рота обслуживания полевой хлебопекарни,
 1 моторизованная рота обслуживания полевой скотобойни,
 1 отделение продовольственного снабжения.

Санитарная служба:

1 моторизованная санитарная рота;
 1 санитарная рота (обеспечена гужевым транспортом);
 1 моторизованный полевой лазарет;
 2 взвода санитарных автомашин.

Ветеринарная служба:

1 ветеринарная рота.

Служба поддержания порядка:

1 моторизованный взвод полевой жандармерии.

Служба военно-полевой почты:

1 полевое почтовое отделение [4].

Таким образом, каждая из егерских дивизий располагала весьма серьезным вооружением:

- 404 ручных пулемета;
- 62 станковых пулемета;
- 42 ротных миномета калибром 50-мм;
- 24 батальонных миномета калибром 81-мм;
- 54 тяжелых противотанковых ружья калибром 37-мм;
- 24 легкие гаубицы калибром 105-мм;
- 12 орудий ПА калибром 75-мм;
- 12 зенитных пушек калибром 20-мм;
- 31–70 бронеавтомобилей,
- 86 танков [5].

Общая численность егерской дивизии составляла 10772 чел., из них офицеров было 332, чиновников 105, унтер-офицеров 1616, а рядовых 8719 [6].

Участвовала в активных боевых действиях и 4-я горно-стрелковая дивизия, организация которой в целом была сходна с егерскими дивизиями. Однако в последней было значи-

тельно меньше ручных пулеметов (275). Станковых пулеметов было больше (72), так же, как и легких ротных минометов калибром 50-мм (66). Танки и бронеавтомобили и вовсе были не свойственны горным стрелкам, поэтому они отсутствовали. Во всем остальном сохранялся паритет. При этом численность горнострелковой дивизии была значительно выше – 17188 чел., из них 459 офицеров, 85 чиновников, 2128 унтер-офицеров и 14516 солдат [7].

Существенным плюсом в формировании и егерских, и горнострелковых дивизий было то, что они создавались по территориальному принципу в предгорных и горных зонах. Этим достигалось столь важное на фронте землячество, которое было характерно всем дивизиям Вермахта и СС. Помимо этого подразделения укомплектовывались людьми имевшими достаточное представление о жизни в горах.

Горнострелковая дивизия обеспечивалась горным снаряжением. В экипировку личного состава входили удобная крепкая горная обувь и верхняя одежда, палатки, спальные мешки, походные спиртовые индивидуальные кухни и примусы, темные очки. Снаряжение состояло из ледорубов, «кошек», веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горных спасательных средств. Высокогорные части обеспечивались также специальным высококалорийным питанием [8].

Из стрелкового оружия в егерских и горнострелковых подразделениях Вермахта состояли на вооружении карабины системы Маузер калибром 7,92 мм. В большинстве случаев они были снабжены оптическими прицелами и имели прицельную дальность более 2000 м, являлись грозным оружием в руках горных стрелков. Карабинов других систем в дивизиях было сравнительно немного. Для ближнего боя немцы использовали автоматы MP-40 – «ЭРМА» с прицельной дальностью стрельбы 200 м и практической скорострельностью 80–90 выстрелов в минуту.

Основным видом стрелкового вооружения у горных стрелков и егерей был пулемет MG-34 (7,92-мм), а в самом начале 1943 г. поступил на вооружение и усовершенствованный MG-42. Эти пулеметы считаются лучшими пулеметами Второй мировой войны. Его отличали от всего, что было в то время: сравнительно небольшой вес с сошками – 13 кг, со станком – 33 кг. Большая прицельная дальность стрельбы – 2000 м, мак-

симальная – 3500 м. Значительный темп стрельбы – 700–800 выстрелов в минуту.

Минометам в горах уделялось особое значение. Они были весьма эффективны для поражения противника, находящегося в укрытиях. С целью еще большего увеличения эффективности минометной стрельбы специально для 81-мм минометов была дополнительно разработана прыгающая осколочная мина, которая после выстрела при встрече с поверхность земли подпрыгивала и взрывалась над окопами и укрытиями. При этом наносился не только физический, но и психологический ущерб.

Связь в большинстве случаев осуществлялась радиопередатчиками. Немцы почти не использовали в горах проводную связь. В ясную погоду на коротких дистанциях работали сигнальными флагжками.

В труднопроходимых зонах высокогорья немцы использовали переносные канатные средства доставки грузов и эвакуации раненых. Они знали по опыту, что самый долгий и трудный способ доставки или эвакуации на высокогорье – это использование людей. Поэтому горные стрелки и егеря для этого использовали мулов, а изредка лошадей. В качестве носильщиков использовались и пленные, захваченные здесь в боях. Как правило, немцы оставляли в своем расположении наиболее крепких пленных. Слабых и раненых либо расстреливали, либо отправляли в ближайшие населенные пункты. Известны случаи, когда раненые советские военнопленные направлялись горными стрелками в близлежащие населенные пункты для лечения в госпиталях, иногда просто отдавались на содержание населению. Как отмечает К.-М.И. Алиев: «Подобные проявления рыцарства были скорее явлением частным и характеризовали далеко не всех немецких офицеров» [9]. Ради объективности необходимо добавить, что и советские войска добивали раненых противников, редких исключений здесь и вовсе не было [10].

Люфтваффе. Действия немецких войск на туапсинском направлении, а также в исследуемой нами зоне Главного Кавказского хребта и Черноморского побережья поддерживала авиационная группа 4-го авиационного корпуса генерала авиации К. Пфлюгбайля. До середины сентября в зоне действия немцы сосредоточили и активно использовали одну авиа-группу истребителей-бомбардировщиков Ме-110, одну авиа-

эскадрилью истребителей Ме-109 и две-три авиаэскадрильи ближних разведчиков Fw-189. 21 сентября на майкопский аэродром прибыли еще две бомбардировочные и одна истребительная авиаагруппы. В результате этого численность люфтваффе на туапсинском направлении достигла по штатному расписанию 160 самолетов [11], на самом деле их было несколько меньше.

Места базирования немецкой авиации были выбраны удачно – это аэродромы Армавира, Белореченской, Майкопа и Краснодара. До линии фронта немецкую авиацию отделяли всего от 40 до 100 км.

На майкопском аэродроме с сентября по ноябрь была сосредоточена 2-я группа 52-й истребительной эскадры в составе 4-й, 5-й и 6-й истребительных эскадрилий. На вооружении этих эскадрилий были самолеты Bf-109G. Командование группой осуществлял майор Й. Штейнхоф [12].

На краснодарском аэродроме с августа по октябрь дислоцировалась 1-я группа 1-й тяжелой истребительной эскадры, прибывшей с армавирского аэродрома. 1-я группа состояла из трех эскадрилий (1-я, 2-я, 3-я), командование группой осуществлял майор И. Блехшмидт. На вооружении группы находились самолеты Bf-110C. Здесь же с августа по декабрь действовала и 2-я группа этой же эскадры. В группе были три эскадрильи (4-я, 5-я и 6-я) под командованием майора Г. Тонне [13].

На аэродроме близ ст-цы Белореченской с сентября по ноябрь была дислоцирована штабная эскадрилья и 2-я группа (4-я, 5-я и 6-я эскадрильи) 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков. На вооружении штабной эскадрильи находились самолеты Ju-87 и Bf-109. На вооружении 2-й группы находились самолеты Ju-87. Командование 2-й группой осуществлял майор К. Хюн [14].

Рабоче-крестьянская Красная армия. Сухопутные части РККА. Активную роль в противодействии немецким войскам в горной зоне Лесного Кавказа играла 20-я горнострелковая дивизия с приданными ей 23-м и 33-м пограничными полками войск НКВД.

Во время боев на Главном Кавказском хребте в районе Сочи командовал ею сперва полковник, а затем генерал-майор А.П. Турчинский.

В это время территорию будущего Большого Сочи прикрывала 20-я горнострелковая дивизия (гсд). 20-я гсд сформирована была 15 июля 1918 г. по приказу реввоенсовета 1-й армии Восточного фронта как Первая Пензенская стрелковая дивизия [15]. Занимая позицию на территории Большого Сочи, 20-я гсд имела ближнюю и дальнюю линии обороны. В ближнюю линию обороны входили прибрежные территории вплоть до горных перевалов Главного Кавказского хребта, к дальним можно условно отнести предгорную территорию Кубани.

20-я гсд состояла из четырех стрелковых полков (67-го, 174-го, 265-го и 379-го) и одного артиллерийского полка (61-го).

Помимо этих подразделений в составе 20-й гсд были:

161-й отдельный саперный батальон,

174-й отдельный батальон связи,

279-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион,

281-я истребительно-противотанковая батарея,

31-й отдельный кавалерийский эскадрон,

121-й отдельный медико-санитарный батальон,

409-я отдельная авторота подвоза,

119-я полевая хлебопекарня,

гурта скота,

дивизионная парама (передвижная авторемонтная мастерская),

полевая почтовая станция,

дивизионный ветеринарный лазарет,

221-я полевая касса Госбанка [16].

На вооружении стрелковых полков находились винтовки Мосина, СВТ, ручной пулемет Дегтярева и станковый «Максим». Из оружия ближнего боя были пистолет-пулеметы Шпагина и Дегтярева. Имелось небольшое количество противотанковых ружей, вероятнее всего для борьбы с ДЗОТами и КЗОТами. В составе минометных рот имелись ротные и батальонные минометы. Артиллерийский полк был представлен полковой 76-мм артиллерией, плохо подходившей к горным условиям. Гаубиц, имевших возможность стрелять по навесной траектории, не было вообще. Использовался на перевалах в качестве разведки и отдельный кавалерийский эскадрон (окэ). Эта часть не отвечала своему предназначению и была крайне неэффективна в условиях горной местности. Кавале-

ристам приходилось в большей части воевать пешими, оставляя своих лошадей в укрытии. У кавалеристов были проблемы с обеспечением питанием людей и поиском фуражка для лошадей. В условиях начинаящейся зимы это привело к массовому падежу лошадей.

О подготовке 20-й горнострелковой дивизии А.А. Вагин вспоминал: «Если говорить об экипировке и подготовке горнострелковой дивизии, то 20-я гсд не была экипирована горным снаряжением и подготовлена не была. Во время тотальной мобилизации призывали просто всех подряд. И уже потом каждый приобретал собственный опыт на месте, в горах» [17]. Среди бойцов встречались солдаты, которым не исполнилось даже 17 лет, например, рядовой 174-го гсп А.Г. Нагабедян [18].

О возрастном составе 20-й гсд можно судить по сведениям о дивизии спустя месяц после окончания боевых действий дивизии на Главном Кавказском хребте. Так, согласно данным ЦАМО по состоянию на 1 января 1943 г. в составе 20-й гсд числилось 9120 солдат и офицеров. Среди них лиц 1922 г. рождения и ранее имелось 1056 чел., 1921–1917 гг. – 1276 чел., 1916–1912 гг. – 1077 чел., 1911–1907 гг. – 2299 чел., 1906–1902 гг. – 1331 чел., 1901–1897 гг. – 1160 чел., 1896 г. и старше – 921 чел. [19]. Столь разновозрастной личный состав дивизии подтверждает принцип формирования и пополнения 20-й гсд, здесь речь идет о тотальной мобилизации населения.

Если говорить в целом о подразделениях всего Северо-Кавказского военного округа, то по состоянию на 1 мая 1942 г. его части имели вооружения менее 40 % положенного по штатному расписанию. Округ не располагал истребительной авиацией. Практически полностью отсутствовала зенитная артиллерия. Иными словами, как отмечал генерал-лейтенант в отставке И.М. Ковалев: «Этот военный округ (имеется в виду Северо-Кавказский. – **А.Ч.**) был второго разряда» [22].

Феномен военного округа второго разряда заключался в том, что накануне войны Генштаб РККА не предполагал вести в северной части Главного Кавказского хребта активные боевые действия. Генерал-лейтенант И.М. Ковалев в своих воспоминаниях «Битва за Кавказ и ее герои» задавался вопросом: «Кто мог подумать до войны, что противник нападет на Кав-

каз с севера?». И сам отвечал: «Никто! Такого человека посчитали бы сумасшедшим или, чего доброго, объявили бы врагом народа. При наркоте обороны К. Ворошилов мыслить об этом было недопустимо. Поэтому, как в Генштабе, так и в штабе Северо-Кавказского военного округа в Ростове отражение противника планировалось только со стороны Турции и воздушно-морского десанта с Черного моря» [21].

Основным видом связи в советских частях, в отличие от немцев, была проводная, совершенно не эффективная в условиях горной местности. Слабо проходимые склоны, отвесные скалы, бесконечные спуски и подъемы немыслимо усложняли работу связистов. Беда заключалась еще и в том, что проводная связь постоянно рвалась, и связистам приходилось много раз в деньходить по одному и тому же маршруту. Радиосвязь имелась только в штабе дивизии и некоторых полках. Это серьезно сказывалось на подвижности советских войск.

Серьезной проблемой советских войск было почти полное отсутствие топографических карт района. Быстрый выход немецких войск к Главному Кавказскому хребту привел Главное управление автотранспортной и дорожной службы (ГУАДС) РККА в замешательство и растерянность. Только в августе 1942 г. ГУАДС приступил к сбору информации о тропах и дорогах в горных и предгорных зонах Главного Кавказского хребта. Столкнувшись с полным отсутствием подробной информации о тропах, Главное управление обратилось к председателю сочинского исполкома Белоусу за помощью. Практически ничем Белоус помочь не мог. В результате 3 сентября ОШОСДОР ГУАДС направил председателю Сочинского исполкома гневное письмо за №0228: «Начиная с 15 августа 1942 г. ОШОСДОР ГУАДС Красной армии не может получить материал по обследованию горных дорог и троп в Сочинском и Адлерском районах.

Неоднократные обращения к Вам и указанным вашим заместителем адресам не привели к положительным результатам, так как указанный материал до сих пор не разыскан.

Такое отношение к очень серьезному и ответственному делу в настоящий момент крайне нетерпимо.

Управление автотранспортной и дорожной службы Северо-кавказского фронта своим письмом еще раз напоминает о представлении указанного материала.

Прошу принять решительные меры по розыску данного материала и передать таковой в ОШОСДОР ГУАДС Красной армии» [22]. Письмо подписал заместитель начальника ОШОСДОР ГУАДС Трубин.

По всей вероятности, какие-то рукописные материалы были найдены и по ним были составлены примитивные 1:10 000 карты.

А.А. Вагин вспоминает: «Карты в дивизии были 1:10 000, однако их было очень мало. Поэтому офицеры, как правило, через копирку перерисовывали карту и с ними ходили» [23]. Это подтверждают архивные материалы, например, карта помощника начальника связи 20-й гсд старшего лейтенанта Передника была выполнена через копирку. На ней была обозначена схема организации связи на ключевые перевалы (Аишка и Псеашхо) [24].

Осенью 1942 г. в Грузии, в Бакуриани, была сформирована школа НКВД по подготовке альпинистов – горных стрелков. Руководили ею заслуженные мастера спорта СССР по альпинизму братья Евгений и Виталий Абалаковы. В этой школе были обучены и подготовлены в сжатые сроки 12 ОГСО – отдельных горнострелковых отрядов по 1000 чел. в каждом. По мастерству горной войны они не уступали немецким отдельным высокогорным батальонам 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс». В октябре 1942 г. ОГСО ушли на перевалы. Отрядами командовали офицеры НКВД [25]. Необходимо отметить, что данные К.-М. Алиева о числе и численности отдельных горнострелковых отрядов разнятся с данными другого военного исследователя – В.В. Бешанова. Согласно сведениям В.В. Бешанова, всего было создано 16 отрядов ОГСО, численность отряда составляла 300–320 чел. Организационно отряд состоял из двух рот автоматчиков по 100 чел. и одной пулеметно-минометной роты с придаными ей взводами саперов и противотанковых ружей [26]. Нам представляется более реальной численность ОГСО в пределах 300–400 чел. Сами бои показали, что использование на перевалах войск численностью более роты малоэффективно, это приводило к ненужной концентрации и соответственно к увеличенным потерям. В зоне действия 20-й горнострелковой дивизии имелись 7-й и 8-й отряды ОГСО. Позднее все эти отряды были объединены в ОГСБОН – отдельную горнострелковую бригаду особого на-

значения, подчинявшуюся непосредственно штабу Закавказского фронта.

Об экипировке одного из ОГСО вспоминает А. Гусев: «Знакомясь с отрядом, я был поражен его блестящей экипировкой. Каждый боец имел все необходимое для боевых действий в горах: ледорубы, десятизубые «кошки», штурмовые костюмы, спальные мешки, меховые жилеты, меховые носки, шерстяные и кожаные перчатки, подшитые валенки, лыжи с жесткими креплениями, снегоступы, рюкзаки, горнолыжные ботинки, лавинные шнурсы, защитные очки. На каждое отделение в отряде имелись в соответствующем количестве альпийские веревки, горные палатки, спиртовые кухни, скальные и ледовые крючья, скальные молотки и другое необходимое оборудование.

Личный состав носил особую форму: командиры – двухбортный китель, лыжные брюки, горные ботинки; солдаты – лыжную куртку, лыжные брюки, горные ботинки. Форма эта была удобна, универсальна и отвечала всем требованиям техники движения в горах» [27].

Несколько слов необходимо сказать о продовольственном обеспечении подразделений на Главном Кавказском хребте. Так, бывший воспитанник и проводник дивизии А.А. Вагин вспоминает: «Продовольственное обеспечение на перевалах сначала было хорошим. До немецкого наступления были подвезены галеты, изготовленные в 1938–1939 гг., помимо этого было сгущенное молоко и мясные консервы. Когда продовольствие закончилось и питание стало носить не регулярный характер, я стал водить караван из 10 лошадей на охоту. В то время оленей и туров было очень много и на Псеашхе, и на Аишхо, добудешь 3–4 зверя и 300 кг мяса есть. В снежнике выбивали яму и мясо как в холодильник клали в нее. За этим мясом потом из разных полков народ приходил. А уж особенно рады свежему мясу были азербайджанцы, которые от свинины, да еще и в консервах категорически отказывались. Лучше всего части снабжались спиртом, его доставляли в резиновых мешках. Спирт и водка всегда были качественными.

В продовольственное обеспечение входила и махорка «Лубанская» произведенная еще до войны на Украине. На перевалах махорку давали, а вот курительную бумагу нет, вот и приходилось использовать или газетные, или книжные, или

тетрадные листы. Внизу на побережье курительную бумагу давали.

Все обеспечение для передовых частей в основном осуществлялось выночными караванами (другой способ был менее надежным – это доставка по воздуху, то погода плохая, то выбрасывают обеспечение не туда). Водить караваны было крайне опасно, так как постоянно следовало ожидать засаду. Поэтому накануне выхода я выходил по маршруту один взяв, с собой бинокль, смотрел на горы, вглядывался в следы обуви на тропе и нюхал запахи. Часто ходя с отцом на охоту, я знал с какой стороны лучше залечь или подходить. Поэтому в местах возможной засады я останавливался, маскировался и ждал (час-полтора). Ветер обязательно должен был донести либо запах сигарет, либо еще более сильный запах одеколона, который егеря постоянно наносили на себя» [28].

Советская авиация. Туапсинское направление прикрывала Черноморская группа войск Закавказского фронта. С воздуха ее поддерживала 5-я воздушная армия под командованием генерал-майора авиации С.К. Горюнова и частично авиация Черноморского флота под командованием генерала-майора авиации В.В. Ермаченкова.

По состоянию на сентябрь в состав 5-й воздушной армии входили 132-я бомбардировочная авиационная дивизия (командир – полковник А.З. Каравацкий) в составе 6-го и 367-го бомбардировочных авиаполков; 236-я истребительная авиационная дивизия (командир – подполковник В.Я. Кудряшов) в составе 267-го и 518-го истребительных и 502-го штурмового авиаполков; 237-я истребительная авиадивизия (командир – генерал-майор авиации Е.М. Белецкий) в составе 36-го истребительного авиаполка; 295-я истребительная авиационная дивизия (командир – полковник Н.Ф. Баланов) в составе 975-го истребительного авиаполка, 149-й разведывательной авиаэскадрильи и отдельной бомбардировочной авиаэскадрильи. В 5-й воздушной армии также имелись три отдельных авиационных полка, а именно: 742-й разведывательный, 763-й легкобомбардировочный, 325-й транспортный и одна (154-я) отдельная авиаэскадрилья связи [29].

Однако вместо штатной численности в 297 машин авиационный парк насчитывал всего 121 боевой самолет, что составляло менее 40%. При этом 5-я воздушная армия в серьезных боях не участвовала, а в таком составе пришла с периода

формирования (около 130 самолетов). В конце сентября 1942 г. в составе 5-й воздушной армии было 26 бомбардировщиков, 12 штурмовиков, 52 истребителя, 12 разведчиков и 19 легкихочных бомбардировщиков [30].

Система управления советской авиации в зоне действия не отличалась своей продуманностью. Огромное количество штабов и лиц, отвлеченных от военной службы, уменьшали боевую отдачу подразделений. Не логичной была организация некоторых дивизий. Так, 237-я истребительная авиадивизия имела в составе всего один полк, т. е. являлась отдельным авиационным полком.

Мест базирования советской авиации было очень мало, поэтому аэродромы растянулись вдоль побережья. Так, истребительная авиация 5-й воздушной армии дислоцировалась в районе Геленджика, Агоя, Лазаревского, Адлера и Сухуми. Помимо этого имелся еще промежуточный аэродром в Сочи. Бомбардировочная авиация размещалась на аэродроме вблизи Кутаиси. Таким образом, на территории Большого Сочи размещались только истребительные подразделения (236-я авиадивизия), а именно: штаб дивизии и 518-й истребительный авиаполк на самолетах ЛаГГ-3 и Як-1 (командир – майор Я.Х. Околелов) размещался в Лазаревском, 502-й штурмовой авиаполк на самолетах Ил-2 (командир – майор С.А. Смирнов) – в Адлере [31].

Серьезной проблемой для советской авиации было и неудобное расположение аэродромов. Как правило, они находились в долинах горных речек, бетонного покрытия взлетно-посадочных полос не имели, в результате полосы быстро размывались от дождей, что заставляло советскую авиацию бездействовать.

Данный обзор наглядно демонстрирует принципиальные различия в подготовке к боям на Главном Кавказском хребте противоборствующих сторон. С одной стороны, это стало следствием невыгодности тех позиций, которые занимали советские части на пике немецкого наступления, с другой – здесь проявилась неподготовленность как личного состава частей, направленных с целью обороны, так и руководящих штабов, не успевших подготовить даже топографические карты. Все эти ошибки и промахи пришлось исправлять в ходе боевых действий.

Примечания

1. Каждая стрелковая рота егерского полка имела 16 легковых пехотных двуколок.
2. Все противотанковые орудия транспортировались бронированными гусеничными тягачами.
3. *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002. С. 623.
4. Там же. С. 607–608.
5. Там же. С. 85.
6. Там же. С. 84.
7. Там же. С. 84–85.
8. *Бешанов В.В.* Год 1942 – «учебный». Мн., 2002. С.417.
9. *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С.101.
10. Из интервью с А.А. Вагиным от 9 декабря 2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
11. *Феоктистов С.И.* В небе Туапсе. Авиация в туапсинской оборонительной операции. Туапсе, 1995. С.5.
12. *Залесский К.* Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха. М., 2005. С. 612–613.
13. Там же. С. 641–642.
14. Там же. С. 706–707.
15. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 2. К. 10867. Л. 1.
16. *Цхомария Б.Д.* Гроза над Кавказом. Сочи, 2005. С. 66.
17. Из интервью с А.А. Вагиным от 9 декабря 2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
18. Из интервью с А.Г. Нагабедяном от 15 декабря 2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
19. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
20. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 101. Л. 5.
21. АОАГС. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 101. Л. 5.
22. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 251. Л. 175.
23. Из интервью с А.А. Вагиным от 9 декабря 2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
24. ЦАМО. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
25. *Алиев К.-М.И.* Указ. соч. С. 124.
26. *Бешанов В.В.* Год 1942 – «учебный». Мн., 2002. С. 433.
27. Там же. С.434.
28. Из интервью с А.А. Вагиным от 9 декабря 2006 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
29. *Феоктистов С.И.* Указ. соч. С. 6.
30. Там же.
31. Там же. С.7.